

ИСТОРИЯ

УДК 9.93.930

В статье рассматривается процесс формирования образа России в Великобритании в широком историческом контексте (XVI–XXI вв.), включающем в себя анализ наиболее характерных стереотипов и клише, характеризующих российскую идентичность и глубоко укорененных в Британском понимании устройства мира в политическом и ценностном ракурсах. Автор показывает, что стереотипы политического сознания, с одной стороны, определяются меняющимся историческим контекстом, а с другой – являются устойчивыми психологическими паттернами, характеризующими вообще восприятие той или иной страны британским политическим истеблишментом. Спецификой работы является также показ «устойчивости–изменчивости» восприятия России в Великобритании в контексте реальной политической пропаганды обеих стран. Особое внимание уделено социально-политическому контексту ужесточения и негативизации образа России в Великобритании в рамках последнего десятилетия.

Ключевые слова: образ, восприятие, идентичность, историческая трансформация, политическая пропаганда, стереотипы.

The article is an attempt to study the process of historical transformation of the image of Russia in British official and mass consciousness (XVI–XXI cc.) in political and axiological discourses. The author shows, that stereotypes of political consciousness, on one hand – are determined by changing political context, on the other hand – are relatively stable psychological patterns, which in general characterize the perception of any country by the British political establishment. Specific feature of the work is the attempt to investigate the «stability-changing» perception of Russia in Great Britain in the context of changing political propaganda of both countries. Special attention is given to the study of political context of sharpening and negativizing of the image of Russia in Great Britain in the temporal frames of the last decade.

Keywords: image, perception, identity, historical transformation, political propaganda, stereotypes.

В. В. Томашов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: valtom@mail.ru

Историческая трансформация образов России в Великобритании (XVI–XXI вв.)

Научная статья

V. V. Tomashov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Historical Transformation of Images of Russia in Great Britain (XVI–XXI centuries)

Scientific article

Как считают многие западные политические аналитики, пропагандистские усилия России в XXI в., особенно в период президентства В. В. Путина, прежде всего направлены на страны «Большой восьмерки» (G 8). В этом смысле Великобритания представляет собой особую пропагандистскую цель по ряду причин. Будучи длительное время членом «восьмерки» и постоянным членом Совета Безопасности ООН, Британия играла и пока все еще играет (несмотря на процедуру «Brexit'a») особую роль в Европейском политическом сооб-

ществе. Более того, в контексте особых отношений с США Великобритания всегда рассматривалась политическим руководством России как «потенциальный мост между Россией и США» [1, с. 15]. Во-вторых, Великобритания являлась (до периода западных санкций, начавшегося в силу известных причин в 2014 г.) крупнейшим иностранным инвестором в российскую экономику, особенно в ее энергетический сектор. При этом объем торговли между Россией и Великобританией заметно отставал от показателей торговли России с такими,

например, европейскими странами, как Германия или Франция. Все больше и больше российских компаний проявляют с начала XXI в. (после периода глубокой политической и экономической стагнации 1990-х гг.) сильный интерес в том, чтобы быть включенными в престижный список Лондонской валютной биржи. По мнению российского посла в Великобритании Юрия Федотова (2007), присутствие в этом списке является для компаний своего рода «универсальным знаком качества» [2]. Именно поэтому и сегодня спроецированный на английское общественное сознание и укорененный в нем имидж России чрезвычайно важен и для самой России для того, чтобы выбрать наиболее адекватный в нынешних исторических условиях вариант решения «вечного» для нее вопроса – проблемы «самоидентичности». Национальные образы, как известно, формируются под влиянием стереотипов, укорененных в особенностях исторического развития той или иной страны [3].

В данной статье делается попытка рассмотреть процесс формирования образа (образов) России в Великобритании в широком историческом контексте (XVI–XXI вв.), включающем в себя анализ наиболее характерных стереотипов и клише, характеризующих российскую идентичность и глубоко укорененных в Британском понимании устройства мира в политическом и ценностном ракурсах.

Россия, как известно, начала «открываться» для Британии в 1553 г. в результате путешествий капитана Ричарда Ченслера, которые стали первыми источниками информации для британцев о практически неведомой доселе стране. Согласно этим первым элементам формирующегося образа, русские почти все – пьяницы, которым ни в коем случае нельзя доверять. Интересно, что для британцев, которые посещали Россию в течение длительного исторического периода (XVI–XVIII вв.), не зная при этом ни русского языка и не имея ни малейшего предварительного представления об образе жизни россиян и их «психическом складе», главнейшая отличительная черта «Московии» – это ее «инаковость», ее абсолютная непохожесть на Британию и на Европу в целом. Согласно такому историческому источнику, как «Современное состояние России», опубликованному анонимно в Лондоне в 1671 г., русские – это люди, «отличающиеся от всех других народов на земле во всех своих деяниях» [4; с. 27]. Хотя эти характеристики, как видим, были отнюдь не позитивными, в целом образ России в Британии в то время был

более нейтральным, нежели негативным: Россия, по крайней мере, не рассматривалась тогда как угроза. Некоторые правители России, такие как Петр Великий или Екатерина II, воспринимались в Англии даже скорее в позитивном смысле, а их политика вызывала несомненный интерес со стороны британской политической элиты [4]. Более того, в начале XIX в. Россия и Британия были союзниками в борьбе с Наполеоном, а весомый вклад, который Россия внесла в 1812–1813 гг. в победу над французами, добавил к российскому имиджу элемент героизма. Заметные изменения в британских восприятиях России произошли в XIX в., когда британские и российские имперские интересы вступили в состояние конфликта в Центральной Азии. Растущее русское влияние в этом регионе рассматривалось в Великобритании как угроза интересам Британии в Индии. Важно отметить, что видение Российской империи как источника угрозы британским политическим и экономическим интересам возникло гораздо раньше, прежде чем между странами разгорелся открытый военный конфликт, выразившийся в Крымской войне 1854–1856 гг. Еще в 1829 г. «Таймс» писала: «В Европе не найти ни одного здравомыслящего мнения, которое бы с удовлетворением воспринимало постоянную и стремительно усиливающуюся угрозу со стороны России» [5; с. 86].

На рубеже XIX и XX вв. образы России в Британии были преимущественно негативными. Кроме таких черт, как «отсталость» и «чужеродность», ключевыми характеристиками стали: «российская имперская агрессивность» и «азиатский деспотизм политического режима». В какой-то мере это было связано с волной еврейской иммиграции в Великобританию, повлиявшей в некоторой степени на формирование британского общественного мнения. Как отмечал в 1923 г. в своих мемуарах Джордж Бьюкенен, посол Великобритании в России в 1910–1918 гг., эта «обширная империя отличается слабой правоохранительной системой, некомпетентностью и коррумпированностью почти любой из ветвей власти» [6; с. 86].

Хотя негативные оценки и составляли ядро английского восприятия России, нельзя не отметить и ряд положительных элементов, которые можно рассматривать как реакцию на выдающиеся достижения русской художественной культуры, ставшие явлениями не только европейской, но и мировой значимости. В начале XX в. многие шедевры Достоевского, Толстого и Чехова были

переведены на английский язык – британцы, таким образом, смогли познакомиться с ними и получить более адекватное представление о специфике русской духовности в ее высших гуманистических проявлениях. «Русский имидж» также был смягчен и фактом участия России в Первой мировой войне в качестве союзника Великобритании, что на какое-то время сделало «невежливыми» критические выпады британских политиков по поводу внутренней политики России.

1917 г. стал очередным поворотным моментом в британском восприятии России. Если Февральскую революцию, давшую надежды на демократизацию бывшей империи, в Англии приветствовали, то Октябрьский большевистский переворот вызвал смешанную реакцию. В восприятии большинства представителей британской политической элиты это событие вызвало ужасные последствия. Как писал в своем исследовании истории российско-британских отношений Сэр Кертис Киббл, бывший послом Великобритании в СССР в 1978–1982 гг., «кампания террора, развязанная большевиками после покушения на Ленина в 1918 г., до предела опустила имидж советской России в оценках британского общественного мнения» [7; с. 45]. Этому, несомненно, способствовало и убийство Николая II, который был двоюродным братом короля Великобритании Георга V.

1930-е гг. иногда называются «розовым десятилетием», потому что, как ни странно, значительная часть британской интеллектуальной элиты была в это время охвачена симпатией к Советскому Союзу [7; с. 119]. В то же время многие британцы, которые были вначале настроены более или менее позитивно к СССР, становились к концу 1930-х–началу 1940-х гг. более критичными, по мере того как до них доходила информация о сталинских массовых политических репрессиях и особенно когда, как сообщала британская пропаганда, Советский Союз «вошел» в Польшу в 1939 г., а вскоре «оккупировал» прибалтийские государства и «напал» на Финляндию. После этого для многих представителей «правого» политического крыла упомянутые действия СССР стали еще одним доказательством распространявшегося в западной Европе убеждения, что по сути нет никакой разницы между нацистской и коммунистической диктатурами [7, с. 158].

Имидж СССР существенно изменился в ходе Второй мировой войны. Понимание ключевой роли Красной армии в победе союзников над нацистской Германией, беспрецедентных человеческих потерь,

которые пришлось понести советскому народу, оказали огромное влияние на восприятие Советского Союза, особенно среди широких кругов населения Великобритании.

Но вскоре после того, как фашистская Германия была разгромлена, образ СССР достаточно быстро изменился в худшую сторону: «определенная доля симпатии, которая существовала между Британией и СССР в период борьбы с общим врагом, быстро растворилась после того, как этот враг исчез» [7, с. 168].

По окончании войны к сложившемуся негативному образу СССР добавились новые черты, ставшие ключевыми на протяжении всего послевоенного периода начинавшейся «холодной войны»: «милитаристская супердержава», «один из ключевых актеров международной политики». Такое восприятие было в сконцентрированном виде представлено премьер-министром Клементом Эттли в его радиовыступлении в 1948 г.: «Советский коммунизм осуществляет империалистическую политику в новых формах (идеологических, экономических и стратегических), которые представляют угрозу для благосостояния и образа жизни европейских наций» [7, с. 220].

Кроме того, официальная британская пропаганда в 1950-е гг. и позже постоянно будировала в общественном мнении страх по поводу советских шпионских сетей, которыми будто бы страна была наводнена. Толчком к этому было раскрытие спецслужбами так называемой «кембриджской пятерки». В ее состав входили выпускники Кембриджского университета: Гай Бриджесс, Дональд Маклин, Энтони Блант и Гарольд (Ким) Филби. Еще студентами в 1934 г. они посетили СССР и тогда же были завербованы КГБ в качестве советских тайных агентов. Кстати, всех их удалось позже и в разное время вывезти в СССР – ни один не попал в руки британской разведки. Это «дело» на долгие последующие годы стало одним из наиболее ярких «шпионских» клише для британской пропаганды и общественного мнения.

Перестройку, инициированную в 1985 г. М. Горбачевым, в Великобритании приветствовали, а сам ее автор стал одним из популярнейших иностранных политических лидеров, особенно после его теплой встречи с премьер-министром Маргарет Тэтчер в канун перестройки в 1984 г.

После того как в 1991 г. СССР распался и Российская Федерация стала независимым государством, в период президентства Б. Ельцина в Британии и на Западе в целом были серьезные ожидания

быстрых демократических преобразований в России. Тем не менее во второй половине 1990-х гг. образ новой России снова стал все сильнее окрашиваться в негативные тона, хотя он еще и не был столь откровенно негативным, каково было когда-то восприятие СССР.

Вслед за распадом СССР Россия вступила в полосу сложного и болезненно переживаемого «кризиса идентичности», который не мог не сказаться на изменении ее внешней политики и пропаганды, направленной на Запад. Что касается первого президентства Путина, то в целом этот период все же был окрашен более мягкими тонами, нежели отношение к СССР в годы «холодной войны». По мнению ряда британских экспертов, опубликованному в 2003 г. РИА «Новости», большинство населения Великобритании, включая лиц, «принимающих политические решения», не имели четкого представления о ситуации в России и о том, куда она будет двигаться дальше. Они, конечно, связывали Россию с Путиным, Березовским, водкой и «калашниковым», но не понимали современных политических и экономических тенденций развития этой страны.

Можно сказать, что интерес к России был волнообразным: он то ослабевал, то обострялся. Последнее в значительной мере было связано с негативными, а порой и с катастрофическими событиями 2000–2008 гг.: гибелью подводной лодки «Курск» в 2000 г., захватом Театрального центра на Дубровке в Москве в 2002 г., нападением террористов на школу в Беслане в 2004 г., «газовыми» трениями России с Украиной в 2005–2006 гг. и особенно – со смертью Александра Литвиненко в 2006 г. Что касается восприятия России британской общественностью, то оно было весьма неопределенным. В процессе подготовки к официальному визиту Путина в Великобританию в 2003 г. РИА «Новости» ссылались на данные общественного мнения, осуществленные известным английским исследовательским и аналитическим центром «MORI». Выводы обескураживали: наиболее типичной ассоциацией с Россией в то время для британцев была... «холодная погода» [8]. По мере выстраивания В. Путиным новой политической линии для России как государства, требующего к себе уважения на международной арене и имеющего собственные геополитические интересы, общий тон британской пропаганды стал резко меняться в сторону жесткого критицизма. Исключения, впрочем, все же появлялись. Примером может служить ста-

тья известного английского журналиста Джонатана Стила, опубликованная во влиятельной газете «Гардиан» в 2006 г. накануне саммита G8 в Санкт-Петербурге. Характерным было само название статьи: «Новая западная Русофобия является лживой и неправильной». По словам Стила, «многие элементы критики внутренней и внешней политики России были обоснованными, но еще больше – представляли собой дичайшие предубеждения» [9]. Впрочем, суждения подобного рода в британских масс-медиа были крайне редкими. 2003 г. уже был поворотным пунктом в трансформации образа России в Великобритании. Путинская Россия с этого времени бесповоротно стала рассматриваться в Великобритании как авторитарное государство, отбросившее позитивные тенденции «быстрой демократизации» ельцинского периода. Настроения британских политических элит красноречиво выразил в своем выступлении в Парламенте лейборист Дэвид Дрю: «Похоже, что хорошая работа, начатая Ельциным по приданию этой стране большей открытости, была не только изменена с приходом к власти Путина, но и полностью отвергнута» [10]. В то же время некоторые британские дипломаты, которые работали в России и имели возможности посмотреть на нее «изнутри», подвергали сомнению тезис о резком и внезапном изменении политического тренда в России с приходом Путина. Так, например, Сэр Родерик Лайн, бывший послом Великобритании в России в 2000–2004 гг., отмечал: «Ельцин только лишь говорил на языке демократии, но он никогда ее не признавал и не практиковал». Более того: «Ельцин начал двигаться в одном направлении, но в 1993–1994 гг. резко повернул курс, возвратившись к кремлевской модели правления» [11, с. 20].

Серьезным ударом по имиджу России в глазах политической элиты Великобритании стал арест в октябре 2003 г. Михаила Ходорковского, который многие стали рассматривать как указатель того, что Кремль вернулся к «советским средствам» проведения внутренней политики. Как заявил в своем выступлении в Палате общин представитель либерально-демократической партии Малколм Брюс, «если ситуация в России будет развиваться таким же образом, эта страна неизбежно скатится к старым механизмам времен Советского Союза и не сможет продвинуться в направлении плюралистической демократии» [12].

Резкий негативизм образа России в Великобритании достиг своего пика к ноябрю–декабрю 2006 г.

в связи со смертью Александра Литвиненко, которого сразу же назвали очередной жертвой Кремля. Вслед за этим последовал дипломатический кризис в российско-британских отношениях. Еще одна характерная черта неуклонно ухудшающегося российского имиджа была связана со статусом России как крупнейшего поставщика газа в страны ЕС. В отличие от других членов Европейского союза Британия не зависела от поставок российского газа. Тем не менее перспектива такой зависимости в будущем посеяла определенные страхи в политических кругах Великобритании. Более того, в Парламенте всерьез обсуждался вопрос о том, что к 2015 г. доля поставок российского газа может по необходимости достичь 20 % [13].

На формирование определенного образа России в Соединенном королевстве не мог также не повлиять и факт быстро растущей российской диаспоры, особенно в Лондоне. К 2005 г. около 250 000 россиян проживали в британской столице [14]. С одной стороны, отношение к выходцам из России было позитивным: большинство россиян были образованными высокообеспеченными людьми, как отмечал журнал «Форбс», они вложили сотни миллионов фунтов стерлингов в британскую экономику, покупая недвижимость и предметы роскоши [14]. Одним из наиболее красноречивых примеров этого была покупка Романом Абрамовичем футбольного клуба «Челси». Но, с другой стороны, на образ России влияли в абсолютно негативном ключе те бывшие граждане России, которые ее покинули в качестве политических беженцев. Речь, прежде всего, идет об олигархе Борисе Березовском (сумевшем занять весьма высокие политические должности в российской элите «ельцинского» периода), а также о «посланце независимой Чечни» Ахмеди Закаеве. В то время как официальные попытки Москвы добиться их экстрадиции не увенчались успехом, они развернули весьма активную антипутинскую пропаганду. Например, в своем интервью газете «Гардиан» в апреле 2007 г. Березовский отмечал, что он потратил не менее шести лет в попытках разрушить позитивный образ Путина и создать новый образ – «опасной антидемократической фигуры». Более того, опальный олигарх открыто призывал использовать силу для смены политического режима в России, поскольку заменить его демократическими средствами не представляется возможным [15].

В контексте развивающегося и углубляющегося кризиса в российско-британских отношениях «дело» Андрея Лугового (официально обвиняюще-

гося в убийстве в Англии Александра Литвиненко) стало еще одним ударом по политическому имиджу России. В декабре 2007 г. Луговой был избран членом Государственной Думы РФ от либерально-демократической партии, а позднее стал членом думского комитета по безопасности. Это, по словам посла Великобритании в России Энтони Brentона, стало печальным решением российских властей, политически легализовавшим человека, подозреваемого в серьезном уголовном преступлении [16].

Таким образом, объективный ход исторических событий первых двух неполных десятилетий XXI в. и действия политического руководства России (включая и «дело Скрипаля») в этот период были расценены в Великобритании как антидемократический процесс «путинизации» страны, как резкий разворот в сторону, противоположную, пусть и слабым, но явно выраженным векторам демократизации российского общества, свойственным «ельцинскому» периоду 1990-х гг.

Ссылки

1. Bacon E. The UK – Russia political relationship // The UK and Russia – A troubled relationship /ed. by A. Monaghan. L.: Defense Academy of the United Kingdom, 2007. Part I. P. 13–23.
2. Financial Times. 2007. 5 June.
3. Boulding K. National images and international systems // The Journal of conflict resolution. 1959. Vol. 3, № 2. P.120–131.
4. Russia under western eyes: 1517–1825 / Ed. A. Cross A. L., 1971. 400 p.
5. Gleason J. The Genesis of Russophobia in Great Britain. N. Y., 1972. 328 p.
6. Buchannan G. My mission to Russia and other diplomatic memories. L., 1923. Vol. 2. 318 p.
7. Keeble C. Britain and the Soviet Union: 1917–1989. L., 1990. 387 p.
8. RIA Novosti press. 2003. July.
9. The Guardian. 2006. 30 June.
10. House of Commons Hansard: 18 June 2003. Column 71.
11. Lyne R. Engaging with Russia: The new phase. L., 2006. P.
12. House of Commons Hansard: 10 March 2004. Column 422.
13. House of Commons Hansard: 29 November 2006. Column 97.
14. Forbes. 2005. 23 May.
15. The Guardian. 2007. 13 April.
16. Reuters. 2007. 22 September.